

ТРАДИЦИОННЫЙ БЫТ И КУЛЬТУРА БЕРЕГОВЫХ КОРЯКОВ (НЫМЫЛАНОВ)

А. Т. Уркачан

Коряки – этническая общность, проживающая на территории полуострова Камчатка, в Корякском автономном округе. Основным занятием этой народности издавна были оленеводство, рыболовство, охотничий промысел. Все это наложило определенный отпечаток на историческое и жизненное развитие этого народа, ярко описанное в работах выдающихся исследователей Крашенинникова, Иохельсона, Тан-Богораз, Стеллера. И в наши дни быт и культура коряков и других народов Крайнего Севера представляют собой яркий исследовательский пример, над которым работают такие этнографы, как Вдовин, Антропова, Чесноков и др. Весь собранный на сегодняшний день материал представляет собой богатейший клад, позволяющий судить о корякском национальном быте и культуре, хотя есть еще много неизученного в различных этнических группах данной народности. Как пишет в своих «Очерках этнической истории коряков» И. С. Вдовин, коряки представляют собой этническую общность палеоазиатской группы народов. К этой этнической общности принято относить чукчей, а также ительменов.

Таким образом, уже в XVII веке существовало довольно отчетливое представление о коряках, как об особой этнической группе. Несмотря на то, что С. П. Крашенинников считал коряков единым народом, он разделял их на «оленных» и «сидячих». «Оленные» назывались чаучув/ (чавчувены), а «сидячие» – нымылачу/ (нымыланы). По словам Крашенинникова «сидячие коряки не только весьма от оленных в языке разные, но и между собой разницу имеют».

В. И. Иохельсон в своих исследовательских работах не раз подчеркивал, что разделению коряков на две группы (нымыланов и чавчувенов) способствует разница в системах хозяйствования. Можно было бы сделать сравнительный анализ этих двух групп, но в своем докладе я хотела бы подробнее остановиться на быте и культуре береговых коряков – нымыланов. Это связано с тем, что вот уже 10 лет я занимаюсь изучением, сбором и обработкой материала о жизни, быте и культуре нымыланов лесновского берега. Почему именно для своих исследовательских работ я выбрала село Лесная?

Начала я собирать материал о Лесной еще будучи методистом окружной агиткультбригады. Бывая в селе с концертами, записывала сказки, легенды, мелодии, осознавая, что в скором времени я полностью окунусь в изучение быта и культуры жителей этого села. Немалую роль сыграли и мои корни, так как Лесная – родина моих предков.

Официальным временем основания Лесной считается 1832 год, но у этого старинного корякского села, расположенного на западном побережье Охотского моря, есть своя предыстория. Начну я с легенды, которую рассказали мне старожилы. Вот что они поведали:

«Искали когда-то наши предки удобное место для постоянной жизни. Выбрали они обширную поляну неподалеку от священной сопки Камакран. Развели костер. Стали смотреть как огонь гореть будет. Дрова сразу сильно затрещали. «Значит, огонь не желает, чтобы мы здесь поселились. Будем искать другое место», – рассудили старики. Нашли другое место на берегу бурной реки и снова развели костер. На этот раз дрова не затрещали, огонь горел спокойно. И тогда старики сказали: «Вот тут и будет наше селение. Назовем его Вэемлэн – ломаная река».

У автора книги «Описание земли Камчатки» С. П. Крашениникова, пересекшего полуостров в этом районе в 1739 году, река носит название Уэмлен.

Сибирский картограф С. У. Ремезов, приступивший в конце XVII века к работе над «Чертежом земли якутского города» нанес на него изображение реки Лесной и поместил рядом примечательное пояснение: «Река Воемля. Тут Федотовско зимовье бывало». Анализируя историю составления ремезовского чертежа, известный историк Борис Полевой высказал предположение, что в основе сделанной Ремезовым надписи лежат сведения о раннем «доатласовском» походе русских на северную Камчатку. Он также выдвинул версию, что упомянутое Ремезовым «Федотовско зимовье» могло принадлежать беглому казаку Леонтию Федотову, пришедшему на Лесную со стороны реки Пенжины в 50-е годы XVII века.

Таким образом, река Лесная (Вэемлэн) могла служить первооткрывателям Северной Камчатки кратчайшим путем для выхода на восточный берег полуострова со стороны реки Пенжины. Русское зимовье было создано на реке Лесная отнюдь не случайно. Во-первых, здесь был лес, необходимый для строительства кочей (гребное судно) у самого зимовья. Чуть позднее и коренные жители стали использовать

лес для постройки землянок, юрт и байдарок. Рекой Лесной ее могли назвать только русские, пришедшие на нее с севера со стороны безлесой Пенжины. Во-вторых, именно на Лесной русские могли взять под свой контроль наиболее удобный переход с Охотского моря на Берингово: с вершины Лесной всего лишь за один день можно было перейти на вершину реки Карага и по ней попасть на Берингово море. Все эти сведения об истории Лесной взяты из статей Валерия Мартыненко «Камчатский берег» (1991 год).

Но как бы ни складывалась судьба Лесной, отсчет ее годам будет всегда начинаться с тех давних времен, когда пришли на эту благодатную землю мудрые предки современных жителей села.

Нымыланы ведут оседлый образ жизни, поселившись вблизи богатых рыбой рек и морей. Основной род занятий – рыболовство, охота на морского и пушного зверя. До сих пор рыбная ловля играет весьма важную роль в жизни береговых коряков, так как рыба является основным продуктом питания как для людей, так и для их четвероногих помощников – ездовых собак. Как и раньше, рыбная ловля осуществляется на батах, байдарах и других плавсредствах. Мужчины закидывают сети, невода, а женщины в это время на берегу разделывают туши рыб, потрошат и вывешивают на юкольниках.

Коряки-нымыланы стараются использовать в пищу все части рыбы. Рыбные головы идут на закваску, что считается среди местного населения деликатесом. По-нымылански *вырлэв’ту* – заквашенная рыбная головка. Икра (*лэлтин*) является любимой и питательной пищей. Заготавливают ее впрок, засушивая на воздухе с травой. Икру едят вместе с кедровыми орехами. Осенью она идет для приготовления традиционной еды – толкуши. Сушеная икра применяется при выделке любых шкур. Ее толкут до образования порошка, а затем намазывают на выделанную шкуру, от чего она становится мягче.

Особенно много заготавливают сушеной рыбы. По-нымылански «*тэв’г’ал*» (юкола). Ее употребляют в качестве завтрака. Чаще всего с нерпичьим жиром. По-нымылански – «*вэлывэл*» (нерпичий жир). Отварную рыбу, очищенную от костей, мнут и соединяют с ягодой шикшей или голубикой. Это блюдо называется «*кыльтыкыл*». Рыбные кости шли на корм собакам. Надо сказать, что местные жители ловили рыбы столько, сколько необходимо было, чтобы прожить долгую суровую зиму.

До сих пор рыбная ловля осуществляется, как и в былые времена, на батах, выдолбленных из дерева тополя. Рыбаки переплавляются на

них с помощью длинных шестов, так как реки быстрые и глубокие. А для охоты на морзверя применяют маленькую байдарку, в которую вмещается только один человек. Байдарка представляет собой деревянный каркас, обтянутый лахтачьей шкурой, сшитой крепкими нитками из оленьих и китовых жил. Применяли и крапивные нитки. Управляют байдаркой при помощи двух веселок, похожих на маленькие лопатки. В большую байдару вмещается десять и более человек. Вообще плавание на байдаре связано со многими поверьями и суевериями религиозного характера. При спуске на воду весной и окончании сезона осенью устраиваются традиционные праздники «Спуск байдары», «Встреча первой рыбы», «Встреча охотников на нерпей» и др. Не могу не вспомнить рассказ ушедшей год назад сказительницы Евдокии Семеновны Кавав.

Во время проводов охотников на морзверя (нерпей, тюленей, лахтаков, белуг) проводили ритуал дарения – «Эйвьыг'эй», что значит «поделиться с морем». Лодочку в форме байдары, в которую ложили немного толкуши (по-нымылански тылқтыл – толкуша). Это пожелание удачного плавания, хорошей охоты и благополучного возвращения на берег.

«Праздник нарты» связан с верованием коряков-нымыланов в духов убитых зверей, которые при соблюдении ряда правил отправляются в свой мир и приобретают прежний материальный облик. Хочу сказать, что у нымыланов были культовые обряды, связанные не только с охотой на морзверя и ловлей рыбы, но и другие.

Когда-то некоторые жители Лесной имели своих оленей. Они умели не только работать, но и проводить праздники «Встреча первых оленят», «Навстречу солнцу», «Возвращение с летовки» и др. Собирался народ из соседних стойбищ. Обычно соединяли две-три юрты. С самого утра занимались приготовлением пищи: отваривали мясо, делали белую оленью толкушу, жарили над костром внутренности оленя. После угощения начинались развлечения: гонки верхом на оленях, прыжки на лахтачьих и медвежьих шкурах. Дети играли в свои игры. Даже самые старые бабушки вставали и начинали прыгать, бегать, хоркая, как оленухи. Все игры проводились в полнолуние, так как в этом заложен особый смысл (здоровье, очищение).

Как и в былые времена, каждую осень в октябре-ноябре проходит в селе Лесная ритуальный семейный праздник «Ололо», главный смысл и содержание которого – благодарение природы

за те дары, что она преподнесла людям. Из глубокой древности пришли ритуальные действия этого праздника, так же как сказки, легенды, предания передавались из поколения в поколение. Обряды и ритуалы, связанные с животным миром, важны для береговых коряков, поскольку оленеводство, рыболовство и охота на морского и лесного зверя – основа существования народа. «Праздник нерпы», «Праздник медведя», «Встреча первой рыбы», «Тэлытл» «Иг'лымг'ылым» («Волчий капюшон») – вот лишь немного из того, что отмечалось и до сих пор отмечается в лесновских семьях во время празднования «Ололо». Все это связано не только с трудовой деятельностью, но и религиозным мировоззрением. Наиболее древней формой религии народов Севера был промысловый культ. Это представление о животном мире, очень близком человеку. Считалось, что человек происходит от зверя. Птицы. Нельзя убивать и есть их. Они все слышат и понимают. Они могут узнать человека в лесу и отомстить за убийство на охоте. Звери могут возродиться после смерти, так как у них есть духи – хозяева, которых надо задабривать, чтобы охота была удачной. Поэтому на празднике «Ололо» проводятся циклы обрядов, направленных, с одной стороны, на то, чтобы снять с себя вину за убийство зверя и поедание его мяса, с другой стороны на то, чтобы зверь мог возродиться. Это своего рода очистительные и извинительные обряды. На всех праздниках происходят действия шаманского характера: заклинания, заговоры, жертвенные церемонии с использованием атрибутов (амулетов, травы лаутэн, бус, различных деревянных фигурок, мухоморов, толкуши и др.).

Я могу привести несколько примеров о проведении таких ритуальных праздников, как «Тэлытл», «Волчий капюшон», «Дерево удачи». Расскажу об одном из них.

По воспоминаниям старожилів села Лесная ритуальное действие «Тэлытл» начинается на священной сопке недалеко от Кинкиля. Тэлытл – это березовая вертушка с двумя отверстиями, в которую продет двойной ремень из лахтачьей шкуры длиной 12-15 метров. Один конец ремня закрепляли за столб, а ко второму привязывали деревянную рукоятку для удобства во время перетягивания Тэлытл. Прежде чем вдеть веревку во второе отверстие, вертушку заговаривали (гипнотизировали). По краям Тэлытл вырезались еще две дырочки, в которые вдевали косички из оленьих жил для подвешивания вертушки к потолку в юрте. Затем рисовали полоски соком брусники. У подножия сопки лахтачий ремень привязывали за

столб и тянули на себя, но не рвали. При этом был слышен сильный гул.

Продолжался ритуал в стойбище в домах-юртах. Хозяин ритуала опускал ремень, украшенный мухоморами, через дымовое отверстие юрты вовнутрь. Гости в это время, находясь в юрте, внимательно следили за действиями хозяина. Он брался за ремень и начинал медленно двигаться по часовой стрелке, постепенно ускоряя темп. Во время этого процесса он слегка наступал на горящие угли, причем подошвы торбас при этом не горели. В этот момент происходило таинство, заговор, ритуал очищения души, изгнание болезни из тела, укреплялось дыхание, прибавлялась сила. После хозяина то же самое проделывали и гости.

На второй день напротив входа в юрту со стороны улицы ставили деревянный столб. Его накрепко вбивали в землю и привязывали лахтачий ремень. В юрте вертушку подвешивали за веревочки-косички к потолку. Это делалось в целях безопасности. Первым за конец ремня брался хозяин. Он садился на землю и, упираясь ногами, начинал тянуть ремень внутрь своей юрты. Но лахтачий ремень порвать нелегко. Если хозяин не справлялся, ему помогали члены семьи, а затем присоединялись гости. И так, пока ремень не порвется. В это время все пляшут, держа траву лаутэн и слегка покачивая ею. Иногда пение прерывалось возгласами: «Ололо, ололо!». В перетягивании ремня могли участвовать сильные и кто послабее. Чем сильнее и опытнее были люди, тем звонче, непрерывнее, дольше жужжала вертушка. Считали, что в это время у человека как бы открывалось второе дыхание и из души вытягивалось все нечистое, грязное, уходили болезни.

Если ремень долго не рвался, значит «Тэлытл» был сильно заговорен хозяином. Тогда гости просили снова заговорить его и только после этого ремень рвался. Сколько веселья вызывал у хозяев этот момент. Одни продолжали танцевать, образуя круг, другие – с радостью налегали на лахтачий ремень и начинали отрезать по кусочку. Причем всегда делились с теми, кому куска не досталось. Хозяева юрты не должны были брать ремень, а вот вертушку оставляли, так как в декабре накануне проведения обряда «Проводы солнца» хозяин относил ее в тундру. Кусочки ритуального лахтачьего ремня шли на середняк собачьей упряжки.

Вот такой древний ритуал «Тэлытл» по рассказам старожилос села Лесная Евдокии Михайловны Ягановой, Захара Степановича

Яганова, Варвары Кондратьевны Белоусовой, Павлы Михайловны Кихляп, Михаила Илларионовича Яганова, Сергея Антоновича Яганова проводился когда-то.

До сих пор в окрестностях Лесной есть священные места, куда люди приходят вспомнить о тех, кто ушел, подумать о самом сокровенном, произвести обряд жертвоприношения. Каждый раз, когда охотники и рыбаки уезжают на время из села, старожилы напутствуют их и рассказывают об очень древней традиции – сделать обряд жертвоприношения священной сопке Камакран, чтобы в дороге не было препятствий, чтобы охота и рыбалка были удачными.

Камакран
фото П. Крюкова

Для этого плетеную из морской травы нитку (можно с бусами – знак удачи) нужно положить на землю сопки Камакран. При возвращении домой к родным и детям священной сопке также дарят плетеную в косичку нить с бусинками или бисером. Цвета могут быть самые разные: красные, желтые и др. Обычно жертвоприношение проводится словами: «Спасибо, хорошо съездили! Вот, дядя, это тебе, рады, потому что вернулись домой!».

Также считается памятником древней культуры и священным местом мыс Тэви, расположенный на побережье недалеко от Лесной. Мыс Тэви – это один из первых старинных стойбищ коряков, предков нынешних жителей села. Имеет археологическое значение.

В верховьях реки Лесная (Вэемлэн) находится еще одно историческое место – Чыгейтынуп, что в переводе означает «Песчаная сопка». По рассказам старожил, сопка являлась местом постоянных стычек между коряками-нымыланами и чукчами из-за территории. И вообще в окрестностях Лесной много таких священных мест. Стоянки «Вашпарра», «Ворантана», «Тогатка», «Милейкытыч'ын», «Екут» и др. Местные жители не зря приходили и приходят на эти

священные места, потому что считают, что каждое дерево, трава, земля имеют душу. И что существуют духи гор и лесов, духи рек и болот, духи небесных стихий, духи зла и добра. А раз существуют духи, кто-то должен управлять ими.

Управа эта – шаман, так как именно шаманы обладали массой знаний окружающей среды, мудростью поколений и служили человеку средством общения с духами. Они были талантливыми людьми, так как не каждому дано было чувствовать других людей, скапливать в себе энергию и потом направлять ее на больного, давая ему импульс для выздоровления. Он как бы возбуждал природные защитные силы организма. Если человек рожден быть шаманом, он должен знать внутренний мир человека, ибо шаманство – это целая наука, которую надо постигать. Шаманы – это люди, наделенные острым умом, с повышенной нервно-психической возбудимостью (легко входят в транс, экстаз), которые оказывают на окружающих мощное гипнотическое воздействие. Шаманами были обыкновенные охотники, рыбаки, оленеводы. В основном мужчины, но известны и женщины.

Это было давно в табуне, старик и жена были, она шаманила, у них дочка была. На хребтах жили. Сыновья были. Дочке запрещали далеко ходить. Лето жаркое было. Она шаманила, мама, дочь не послушала, пошла в лес ягоды собирать, и все дальше шла. В этом, на севере, или Карагинском или Пенжинском районе – у них было развито шаманство, у чукчей. Через бубен ищут, кто есть. Бубнисты сильные были.

Ламут нашел девушку. А эти старик и бабушка, пошли братья на поиск. Так и не нашли. Вот старик попросил жену, чтобы она играла на бубне, тоже поискать. Не ела, все играла. И вот она остановилась, говорит мужу: «Я нашла ее, но собираются убить ее: видела ее одежды, копые и олень на жертвоприношение. Когда будет луна, они будут на той сопке».

Братья пошли на ту сопку и видят: сестра лежит и ламут, они разбудили, забрали их, к этому времени пригнали табун. Бабушка все играла. Также ему готовили оленя для жертвоприношения. Так как оленя для него приготавливали, ему приготавливали и копые.

Како, како! Ээйвэж тумг'у г'ымык ныкетг'укынэв!
И вот утро настало. И он сам подбежал к ним, где должны
его заколоть, и оленя заколол. Убили, все умерли, дочка с
отцом, с братьями осталась, помогала им в жизни.

Рассказ Захара Степановича Яганова
(*Записан в с. Лесная в 1997 г. Кинг А., Уркачан А.*)

Несмотря на то, что шаманы в быту были простыми людьми, во время обрядовых праздников и действий (при рождении ребенка, в быту, сон, костер и т. д.) они облачались в шаманскую одежду, украшенную колокольчиками, бусами, бахромой из кожи, мехом. Вся эта атрибутика имела значение для изгнания злых духов, болезней. Но самым священным в руках шамана был бубен. Старшее поколение знает, что кроме шамана никто не мог к нему прикоснуться. Для коряков бубен был святыней. Он занимал почетное место в юрте – пологе и был предназначен только лично хозяину. Считается, что хозяин, играющий на бубне, мог читать условные звуки, так как бубен был заговорен, заворожен.

Я бы хотела привести здесь слова руководителя фольклорного ансамбля «Факел» Нины Николаевны Милгычил. Она пишет: «Бубен был и есть не только необходимой частью обряда на празднике, но и музыкальным инструментом. Слушая мелодии, различные ритмы, звучание бубна, человек отдыхал, предавался приятным мыслям, воспоминаниям. Выходит какая-нибудь бабушка танцевать, затем другая смотрю – они уже между собой начинают играть на бубне. Давайте, говорю, женщины танцуйте. Ведь это наши танцы родные, только мы их исполнить можем и только мы сможем сохранить быт и культуру наших предков».

И как подтверждение ее словам хочу закончить свой доклад словами академика А. Р. Окладникова, что «сохранению подлежит прежде всего эстетическое восприятие мира, которое создавалось, укреплялось, росло в течение тысячелетий, не просто веков – тысячелетий! Вот этот оригинальный, неповторимый, эстетический мир и нужно охранять – он очень нужен нам, всем людям нынешнего дня».

Так как время регламентировано, а материала о быте и культуре коряков-нымыланов Лесновского побережья у меня накоплено много, я не могу полностью в одном лишь докладе развернуть эту тему обширно. Поэтому, если вы не против, я могу ответить на ваши вопросы.

На празднике «Ололо»
фото П. Крюкова

